

УДК 34:004.8(045)

*А.И. Медведев***ПРИНЦИП ПРОЗРАЧНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ РОССИЙСКОГО ПРАВА**

Искусственный интеллект остается одной из самых обсуждаемых тем в юриспруденции. Постоянное развитие технологий и систем искусственного интеллекта, а также рост рисков, связанных с их применением, создает потребность в развитии российского законодательства об искусственном интеллекте, которое до сих пор в значительной степени остается на программно-стратегическом уровне. В данной статье предлагается выделение прозрачности как принципа законодательства об искусственном интеллекте. Обосновывается значимость этого принципа, а также преимущества построения правового регулирования в соответствующей сфере с опорой на принципы, а не на точечные нормы. Рассматривается понятие принципа права, делается вывод об отсутствии единой трактовки этого термина в российской правовой науке. Выделяется три функции принципов права, через которые раскрывается роль последних в системе права: регуляторная, аксиологическая и системообразующая. Дается характеристика каждой из этих функций. Дается описание содержания принципа прозрачности искусственного интеллекта через соответствующие функции. При этом разграничиваются понятия «принцип права» и «принцип законодательства»; принцип прозрачности искусственного интеллекта относится к принципам законодательства. Наконец, делается вывод о необходимости принятия на уровне федерального законодательства Основ правового регулирования систем и технологий искусственного интеллекта на уровне, которые должны содержать принципы законодательства об искусственном интеллекте в РФ – в том числе принцип прозрачности искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, прозрачность, принцип права, принцип законодательства, теория права, нормотворчество, регулирование, информационные технологии, информационное право, цифровое право.

DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-3-516-526

По мере неуклонного роста интереса юристов, правоведов и законодателя к правовому регулированию технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) увеличивается объем законодательных и доктринальных предложений, призванных определить правовой режим разработки и применения роботов и ИИ. Притом в научной литературе выражается обеспокоенность в том, что быстрый и хаотичный рост массива источников правовых норм в этой сфере создает высокую степень неопределенности в системе источников правового регулирования технологий робототехники и ИИ [1].

Несмотря на по-прежнему высокую неопределенность перспектив такого регулирования, интерес законодателей разных стран [2; 3; 4], а также представителей крупного [5] и малого [6] бизнеса к установлению качественного правового режима ИИ-технологий не угасает уже долгие годы,¹ а в юридической науке разговоры об ИИ стали постоянным спутником правоведческих семинаров и конференций. В таких условиях особую важность приобретает задача по формированию единых основополагающих начал законодательства об искусственном интеллекте, которые должны заложить общие руководящие требования к правовому режиму роботов и ИИ. Одним из таких начал может стать принцип прозрачности искусственного интеллекта.

В настоящем исследовании рассматривается место принципа прозрачности искусственного интеллекта в системе принципов российского права посредством оценки структуры и содержания самой этой системы, а также понятий «принцип права» и «принцип законодательства» как феноменов правовой действительности. При этом дается краткая характеристика функционального назначения как принципов права вообще, так и принципа прозрачности искусственного интеллекта, а также предлагается возможная форма закрепления последнего в российском законодательстве.

¹ История понятия «искусственный интеллект» берет свое начало еще в 1956 году, когда коллектив американских ученых впервые ввел этот термин, обозначив им не гипотетическую «разумную машину», а отрасль науки, посвященную компьютерному моделированию отдельных способностей интеллекта. При этом первые алгоритмы машинного обучения разрабатывались в 1980-х годах, а споры о социальных последствиях распространения ИИ начались еще в конце 1950-х – начале 1960-х. См. подробнее: <https://ru.unesco.org/courier/2018-3/iskusstvennyy-intellekt-mezhdu-mifom-i-realnostyu> (дата обращения: 14.04.2023) (прим. Автора).

В 2019–2020 годах было принято сразу несколько крупных правовых документов в сфере искусственного интеллекта. К ним относятся Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года², Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года³, а также Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве...» № 123-ФЗ⁴. Однако первые два документа очерчивают лишь общие идеи законодателя относительно будущего правового регулирования искусственного интеллекта, а федеральный закон устанавливает не правовой статус технологий искусственного интеллекта как таковых, а лишь экспериментальный правовой режим, призванный ускорить промышленное, экономическое и научно-техническое развитие в этой сфере.

В некотором смысле, отсутствие спешки законодателя в установлении строгого правового режима ИИ спасает от принятия необдуманных законопроектов. С другой стороны, следует признать, что после быстрого принятия перечисленных актов с интервалом всего лишь несколько месяцев между ними наступил длительный период отсутствия заметного движения в развитии законодательства об ИИ. При этом по всему миру искусственный интеллект продолжает преподносить все новые казусы [7], говорящие о необходимости вмешательства со стороны права.

В условиях высокой динамики развития технологий искусственного интеллекта с одной стороны и опасности принятия на волне ажиотажа по поводу роботов и чат-ботов поспешных необдуманных нормотворческих решений с другой, наиболее эффективным законодательным решением представляется установление первичного регулирования разработки и использования технологий искусственного интеллекта на уровне принципов, а не детальных норм.

Представляется, что наиболее качественно обосновал важность принципов в условиях стремительного научно-технического прогресса Л.С. Явич. Во-первых, исключительно быстрый темп социального прогресса, вызванный достижениями науки, техники, культуры и образования, не позволяет правовому регулированию «ориентироваться на излишнюю детализацию»; напротив, «оно должно опираться на максимально общие, научно разработанные масштабы деятельности» [8, с. 145–146]. Только так, по мнению правоведа, можно достичь баланса стабильности и мобильности правового порядка. Во-вторых, принципы права играют важнейшую роль в формировании правосознания и развитии правовой культуры. Несмотря на то, что воспитательная функция не является одной из основных функций принципов права, Л.С. Явич напрямую связывает значение общих принципов с уровнем сознательности и культуры общества. Наконец, принципы (*качественно сформулированные, – А.М.*) отражают наиболее прогрессивные тенденции развития общества и прокладывают пути реализации стратегических целей и задач, в то время как детализированные нормы больше ориентированы на закрепление статичного правового режима [8, с. 146].

Приведенные рассуждения справедливы и для правового регулирования искусственного интеллекта. Поэтому разработка принципов, которые легли бы в основу как текущего правового режима, так и будущего развития законодательства о роботах и системах искусственного интеллекта, представляется одной из наиболее актуальных задач современного правоведения. При этом чрезвычайно важно не только уяснить содержание отдельных перспективных принципов, потенциально применимых в сфере искусственного интеллекта, но и определить их место в общей системе принципов права.

Понятие «принцип права» кажется общеизвестным, а его значение – достаточно очевидным. Некоторые авторы, – как российские [9], так и зарубежные [10], – даже в специализированных работах употребляют этот термин как сам по себе не нуждающийся в дополнительном разъяснении. Однако

² Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

³ Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» от 19.08.2020 № 2129-р. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"» от 24.04.2020 № 123-ФЗ. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

если сравнить разные работы, содержащие положения, касающиеся принципов права – от общих трудов по теории права до узкоспециальных исследований, можно обнаружить, что понимание этого термина юристами и правоведами отнюдь не отличается единообразием.

История развития принципов права в российской юриспруденции остается сравнительно малоизученной темой. Как правило, ученые обращаются к этой теме лишь в рамках исследований, посвященных раскрытию отдельного принципа либо группы принципов, объединенных единым отраслевым началом. Так, Е.Ю. Тихонравов указывает, что принцип *nullum crimen sine lege* («нет преступления без [указания о нем в] законе») появился в европейских правовых порядках в конце XVIII в., а в законодательстве Российской империи был впервые закреплен в XIX в. [11, с. 550]. При этом Т.Р. Сабитов утверждает, что «правовые принципы стали выделяться уголовно-правовой наукой сравнительно недавно (ориентировочно лишь в XX в.)» [12, с. 125]. А.А. Волос усматривает начало «глубокого изучения» принципов гражданского права в работах авторов XIX в. [13, с. 7]; А.Н. Климова, рассматривая процесс формирования принципа свободы договора в российском гражданском праве, также относит к XIX веку первые доктринальные работы, посвященные этому принципу, а первое полное его исследование находит в работе И.А. Покровского «Основные проблемы гражданского права» 1917 года [14, с. 48–49].

Изучение общей истории принципов права особенно затрудняется тем обстоятельством, что многие отрасли права (в первую очередь, это касается специальных отраслей) появлялись и развивались неравномерно как в России, так и за рубежом. Следовательно, любое исследование, претендующее на относительную полноту в рамках подобной темы, потребует довольно широкого сравнительного изучения источников разных исторических эпох. Что же касается общеправовых принципов, они чаще становятся предметом изучения общей теории права, чем историко-правовых работ. Таким образом, в настоящий момент история принципов права вряд ли может дать надежную опору при разрешении вопроса о содержании самого термина «принцип права» (хотя потенциально это представляется весьма перспективным направлением для фундаментальных исследований в области теории и истории права).

Между тем, схожая ситуация сложилась и в области изучения искусственного интеллекта. Сам по себе термин «искусственный интеллект» может иметь различное содержание в зависимости от контекста, а его конструктивные особенности неоднократно менялись в процессе эволюции соответствующих технологий. Отмечается, что в современной юриспруденции этот термин обычно употребляют в связи с технологиями нейронных сетей [15, с. 885]. Что же касается понятия «прозрачность», то применительно к системам ИИ его представляется возможным трактовать как доступность, объяснимость и предсказуемость таких систем.

А. Захарова выделяет четыре основных подхода к пониманию принципов права, сформировавшихся в современной российской юридической науке: философский, объективистский, нормативный и идеологический [16, с. 16–30]. Философский подход описывает принципы как законы общества, столь же непреложные, как и законы материального мира. Объективистское понимание принципов права сводит их к отражению объективных закономерностей, наблюдаемых в правовой жизни общества и в самом праве. Нормативный подход, как это следует из названия, рассматривает принципы права исключительно как вид правовых норм. Наконец, в рамках идеологического подхода принципы права рассматриваются как «особого рода идеи» [16, с. 25], имеющие руководящее значение для права.

Наиболее популярным является последний подход. Ю.В. Виниченко понимает принципы как «основополагающие идеи, взгляды» [17, с. 9]; Е.В. Каймакова утверждает, что «каждый принцип – это идея, т. е. мысль как продукт человеческого мышления об общем и наиболее существенном представлении о праве, правовом мировоззрении, о ценности права» [18, с. 42–43]; согласно определению М.И. Байтина, «принципы права – это исходные, определяющие идеи, положения, установки, которые создают нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права» [19, с. 4]. Схожая логика применяется и в определениях принципов отдельных отраслей: так, Т.А. Коломейцева и А.А. Григорьева указывают, что «под принципами избирательного права следует понимать основополагающие начала (идеи), отражающие демократическую природу выборов как конституционной основы народовластия и определяющие фундамент правового регулирования избирательных прав, гарантий, процедур и технологий...» [20, с. 83].

Во взглядах некоторых ученых можно найти сочетание этого подхода с другими из обозначенных выше. Н.И. Матузов определяет принципы права как «основные, исходные начала, положения, идеи, выражающие сущность права как специфического социального регулятора»; при этом, по мнению правоведа, принципы «воплощают закономерности права, его природу и социальное назначение» [21, с. 163].

Получается, что в доктрине, развиваемой Н.И. Матузовым, объективистский и идеологический подходы не противоречат друг другу: закономерности, наблюдаемые в праве, соответствуют его основным идеям, и потому принципы права выражают как первое, так и второе.

С учетом всего вышеописанного можно признать метким замечание О.А. Кузнецовой: «вопросу о принципах права посчастливилось в науке по количеству и качеству посвященной ему литературы, но не посчастливилось по части общепринятого его разрешения» [22, с. 9]. Активная и продолжительная дискуссия о природе и источниках принципов права продолжается до сих пор; при этом правовая наука так и не приблизилась не только к единому пониманию принципов права, но даже к формированию доктринальных школ, каждая из которых обосновывала бы свой аутентичный взгляд в рамках определенного методологического подхода. Пожалуй, единственным дискурсом, задающим некие объективные ориентиры в трактовке понятия принципов права, остается самая традиционная тема в юриспруденции – правопонимание и правогенез, или вопрос о содержании и происхождении права как такового. Иными словами, взгляд того или иного правоведа на принципы права во многом определяется его взглядом на то, чем является право вообще и какая философско-правовая школа (юспозитивизм, юснатурализм, либертарная теория, интегративные подходы и др.) заслуживает, по его мнению, наибольшего доверия.

Толковый словарь Ожегова приводит три значения слова «принцип». Прежде всего, это «основное, исходное положение какой-нибудь теории, учения, мировоззрения, теоретической программы»; второе значение – «убеждение, взгляд на вещи»; наконец, третий вариант понимания – «основная особенность в устройстве чего-нибудь» [23]. Нетрудно заметить, что ни одно из этих описаний не содержит ни слова «идея», ни слова «закономерность», что достаточно сильно отличает лексическое понимание слова «принцип» в общеупотребимом русском языке от научно-юридического. Тем не менее, хотя приведенные значения мало что говорят о происхождении принципов, их содержание дает подсказки, указывающие на назначение института принципов в юриспруденции. Поэтому, несмотря на всю неоднозначность определения соответствующего термина в правовой науке, представляется возможным выделить **три основные функции принципов права: регуляторную, аксиологическую и системообразующую.**

Регуляторная функция является наиболее значимой и, пожалуй, наиболее обсуждаемой функцией принципов права. Принципы представляют собой предписания, которыми надлежит руководствоваться во всех видах юридической и нормотворческой практики. Вопрос о том, какое место принципы занимают в системе норм права, а также об их регулирующем воздействии является краеугольным, поскольку имеет серьезное значение не только для доктрины, но и для законодателя и, в первую очередь, судов, которые должны разрешать дела, основываясь на представлениях о нормах права и их иерархическом соотношении.

С одной стороны, необходимо выявить сами принципы, которые имеют (или должны иметь) регуляторное воздействие. В то время как одни принципы находят прямое закрепление в законодательстве, другие находят отражение на уровне судебной практики, а третьи выделяются лишь доктриной. Подобная ситуация значительно усложняет разрешение вопроса о том, какими именно предписаниями следует руководствоваться субъекту, применяющему право.

На этот вопрос правоведы отвечают достаточно единодушно, предъявляя строгие требования к форме закрепления принципов. Так, В.А. Илюхина считает верной позицию, согласно которой принципами права могут считаться только такие идеи, которые прямо закреплены в законодательстве; в противном случае они не могут иметь императивного значения и могут рассматриваться лишь как часть правосознания [24, с. 329]. Л.С. Явич указывает, что «идеологической основой принципов права являются идеи права», и также относит последние к области правосознания; однако «в целом ряде случаев для воплощения в данной правовой системе определенной идеи права вовсе недостаточно» [25, с. 150]. Одни положения таких идей могут быть воплощены в качестве принципов действующего права, имеющих регуляторное значение, а другие – не найти своего отражения «в силу своей несостоятельности или изменившихся условий» [25, с. 151]. Таким образом, регуляторное значение могут иметь лишь те принципы и отраженные в них идеи, которые получили непосредственное закрепление в законодательстве.

С другой стороны, не менее важен вопрос о силе регуляторного воздействия принципов права. Представляется, что лучше всего эту проблему сформулировал Р. Дворкин. Согласно его рассуждениям, существует два подхода к трактовке роли принципов при вынесении судебного решения. Согласно первому подходу, принципы следует толковать точно так же, как и любые позитивные нормы,

следовательно, они обязательны для применения судом настолько же, насколько обязательна любая норма закона. Согласно второму подходу, принципы так же сравнимы с нормами, однако в совершенно другом значении. Здесь норма понимается не как общеобязательное позитивное требование закона, а как рекомендательное правило или просто обыкновение, следование которому может помочь при решении дела, если его невозможно разрешить при помощи нормы закона (или применимого прецедента, если речь идет об англо-саксонской правовой системе). Таким образом, если в рамках первого подхода принцип применяется наравне с другими позитивными нормами или даже имеет преимущество над ними, то в рамках второго подхода принципы носят необязательный характер, и суду следует обращаться к ним только тогда, когда он приходит к выводу, что дело нельзя разрешить справедливо на основании одних лишь «традиционных» правовых норм [26, с. 53–57].

Вне зависимости от того, какая из позиций является предпочтительной, Р. Дворкин отводит большую роль принципам права. Более того, как указывает С.В. Коваль, критикуя Г.Л.А. Харта и его позитивистское понимание права, в рамках которого принципы вообще не рассматривались как источник правового регулирования⁵, Р. Дворкин рассматривает право как совокупность принципов и норм, утверждая, в частности, что: а) нормы берут свое начало из принципов; б) в случае, если правовой спор не урегулирован позитивным правом, его всегда можно разрешить на основе принципов права [27].

Важно также отметить, что в учении Р. Дворкина адресатом любых текстов, содержащих принципы права, является суд. Именно от суда в конечном итоге зависит практика применения принципов, их соотношение с нормами права, а также удельный вес принципов как регуляторного механизма во всей правовой системе. При этом принципы должны использоваться судом не как буквальные нормы, а как руководство для рассуждения, отражающее в себе идейные начала права и основные его логические посылы. Полагаем, что то очевидное обстоятельство, что рассуждения Р. Дворкина формировались главным образом в контексте англо-американской правовой культуры, не лишает их ценности и для иных правовых систем.

Однако, если мы обратимся к принципам, отраженным в российском законодательстве, мы обнаружим, что зачастую они сформулированы как вполне конкретные и достаточно узкие по своему смыслу положения, применяемые напрямую. Так, например, в ст. 3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ закреплён принцип установления ограничений доступа к информации только федеральными законами. Содержание этого принципа весьма однозначно, требует минимального толкования и едва ли задумано законодателем как некая гипотеза для внутренних размышлений судьи.

По смыслу статьи закона этот принцип является не принципом информационного права, а **принципом правового регулирования информационных отношений**. Таким образом, он представляет собой не некое идейное начало или закономерность информационного права как молодой отрасли права и правовой науки, а одну из базовых норм правового регулирования в информационной сфере. Следовательно, основным адресатом идеи этого принципа является не судебная система, а нормотворческие органы; суд же может опираться на это положение как на традиционную норму закона.

Представляется, что для лучшего понимания регуляторного воздействия принципов необходимо разграничивать принципы права и принципы законодательства. Последний термин представляется более удачным, чем принципы правового регулирования, поскольку он, во-первых, отражает связь соответствующих принципов с позитивным государственно-установленным правом, а во-вторых, подразумевает применение в рамках национальной правовой системы, не допуская смешения с нормами и принципами международного права.

По мнению Г.Х. Афзалетдиновой, право и законодательство являются различными системами, а принципы права и принципы законодательства соответственно обеспечивают согласованность и непротиворечивость этих систем. Из этого исследовательница делает вывод, что эти принципы имеют различные цели, функции и формальное закрепление, а потому их отождествление ошибочно [28, с. 371]. Разделяя в целом подход Г.Х. Афзалетдиновой, отметим, однако, что поскольку принципы права и принципы законодательства играют одинаковую роль в своих системах, их цели и функции также совпадают по своему содержанию. Различными могут быть лишь форма выражения этих целей и функций и содержание норм и институтов, в которых они нашли свое отражение.

⁵ Таковым было мнение самого Р. Дворкина, анализировавшего теорию права Г.Л.А. Харта (прим. Автора).

Принцип прозрачности искусственного интеллекта, на наш взгляд, также следует рассматривать именно как принцип законодательства. Прозрачность сама по себе не является специфической правовой категорией и не отражает ни объективных закономерностей в праве, ни его неотъемлемых черт и идей. Регуляторная значимость принципа прозрачности обусловлена тем, что для отношений по использованию технологий искусственного интеллекта как специфического предмета регулирования характерна высокая значимость доступности информации об ИИ-системах, а также объяснимости и предсказуемости алгоритмов их работы. Поэтому одной из главных гарантий безопасности эксплуатации таких систем является обеспечение их прозрачности со стороны государства.

Аксиологическая функция принципов права больше всего отличает их от других правовых институтов. В то время как нормы права являются правилами поведения, существующими лишь как часть общего правового механизма, принципы права отражают основные ценности права как социальной системы, а принципы законодательства – ключевые ценности и гарантии той или иной сферы позитивного государственно-установленного права. При этом принципы права имманентны праву, и их ценностное содержание выводится преимущественно доктринально, в то время как принципы законодательства формируются, соответственно, согласно воле законодателя и часто носят более прикладной характер.

В таком контексте естественным образом назревает вопрос, как разграничить фундаментальные правовые начала, имманентные праву как таковому, и актуальные потребности общества на текущем этапе развития. При этом нельзя упускать из виду также и интересы государства: именно законодатель принимает решение, какая редакция принципов найдет отражение в позитивных нормах, будь то утилитарные принципы законодательства или получившие закрепление в законе принципы-идеалы права. Наконец, понимание принципов права может меняться и уточняться в зависимости от правовой и политической идеологии, господствующей в обществе на определенном этапе его существования. В этой связи О.Е. Суркова, оценивая аксиологическую роль принципов права, указывает, что принципы «должны выражать не столько сущность идеологии, сколько сущность права»; с другой стороны, по мнению ученой, «социальная сущность принципов права не может не нести в себе идеологических моментов» [29, с. 23].

Ю.К. Толстой отмечает ряд проблем, исторически связанных с ценностным и идеологическим наполнением принципов права. Во-первых, по наблюдению академика, в советский период на результаты исследований, посвященных принципам права, во многом влияли идеологические предписания, из которых исходили ученые: как следствие, в принципах утрачивалось собственно правовое содержание, подменяясь идеологическим. Во-вторых, многие ценности и идеалы, включаемые в состав принципов, не имели ничего общего с правовой и социальной действительностью. Принципы права играли роль «идеологического камуфляжа», провозглашающего правовое благополучие общества, но вместе с тем отвлекающего внимание от правовых реалий. Наконец, выделяемые учеными принципы права – например, советского гражданского права, хотя и соответствовали правовой системе в целом, служили скорее цели укрепления легитимности государственного строя и командно-административной экономики, чем выявлению подлинного содержания гражданского права. Поэтому в своем исследовании принципов гражданского права Ю.К. Толстой ставит перед собой задачу очистить их от «идеологического шлака» [30, с. 49–50].

Внимания также заслуживает и вопрос о том, отражают ли принципы права весь комплекс социально значимых ценностей, признаваемых в государстве, или в их содержание укладываются лишь ценности самого права. Р. Дворкин в своем учении разграничивает «принципы» и «стратегии». Стратегия является стандартом, призванным помочь с улучшением «каких-то экономических, политических или социальных условий в обществе»; принцип же является стандартом, который «выражает некоторые моральные требования» [26, с. 45]. А.С. Сидоркин, критикуя эту позицию, утверждает, что приравнение принципов права к предписаниям морали лишает содержания их регулятивные свойства; поэтому, по мнению ученого, «Р. Дворкин необоснованно умаляет роль принципов права в достижении различных общественных целей» [31, с. 27].

В этом контексте, несмотря на исторический разрыв почти в сотню лет, интересна позиция, развиваемая Г.Ф. Шершеневичем относительно социального значения права. Будучи крупным представителем российского позитивизма, Г.Ф. Шершеневич в своих рассуждениях следовал общей позитивистской логике, исключавшей возможность признания принципов права как ценностных ориентиров, стоящих выше позитивного государственно-установленного права [32, с. 59]. При этом ученый подчерки-

вал, что право всегда существует для достижения некой социальной цели [32, с. 96]. Несмотря на понимание юридического принципа лишь как правовой закономерности, «тенденции, пронизывающей ряд отдельных норм права» [32, с. 99], в учении Г.Ф. Шершеневича прослеживается неразрывная связь права с приведением в действие любых социальных ценностей, легитимированных и обеспеченных государством, а не только моральных или сугубо правовых.

Представляется, что наиболее правильным подходом к решению проблемы пределов ценностного содержания принципов является системное разграничение принципов права и принципов законодательства. Принципы права призваны отражать объективные ценности права, наблюдаемые в нем на протяжении всего его исторического существования в разных правовых порядках на разных этапах жизни общества и государства. Принципы законодательства не обладают той же неизменностью и отражают ключевые правовые установки конкретного периода существования государства и его национального права.

В правовом государстве задача по обеспечению единообразной интерпретации права и его институтов лежит на судах. Р. Дворкин указывал, что «право как целостность требует от судей исходить, насколько это возможно, из того, что право структурировано последовательным комплексом принципов, касающихся честности, справедливости и надлежащей правовой процедуры, и призывает их обеспечивать соблюдение этих принципов в новых делах...» [33, с. 328]. Представляется, что данное утверждение одинаково справедливо как для англо-саксонской, так и для романо-германской правовой системы. Принципы законодательства, в свою очередь, реализуются и поддерживаются, в первую очередь, в нормотворческой практике, и потому гарантами их соблюдения выступают совместно законодатель, разрабатывающий нормы позитивного права в соответствии с принципами законодательства, и суд, толкующий и уясняющий их правоприменительное значение.

Прозрачность искусственного интеллекта, возведенная в принцип, отражает высочайшую ценность информации в современном мире. Технологии, оказывающие наибольшее воздействие на привычную жизнь общества и государства, несут в себе одновременно высокие преимущества и высокие риски. По этой причине, а также в силу информационной природы ИИ-технологий сведения о функционировании систем искусственного интеллекта обретают особую ценность. Морально-этическая же сторона вопроса, на наш взгляд, нагляднее всего иллюстрируется известным казусом с чат-ботом ChatGPT четвертого поколения, когда тот обманул собеседника, представившись ему человеком [34].

Системообразующая функция напрямую соотносится с пониманием принципов как руководящих начал в праве. Принципы служат основанием для нескольких систем: системы права как таковой, системы отраслей и областей права, системы законодательства и, наконец, системы самих принципов права. При этом содержание внешне одного и того же принципа может различаться в зависимости от того, в рамках какой системы он функционирует. В.Д. Филимонов, приводя в качестве примера принцип справедливости, указывает, что его содержание варьируется не только в зависимости от сферы общественных отношений, на которые он оказывает воздействие (имущественные, семейные, трудовые и др.), но и особенностями предмета регулирования, а также другими обстоятельствами [35, с. 7].

В нормотворческой практике часто допускается смешение различных систем принципов. Так, например, В.А. Уткин отмечает противоречие в тексте Уголовно-исполнительного кодекса РФ: по его мнению, закрепленный в ст. 8 УИК РФ принцип рационального применения мер принуждения является не принципом законодательства, как это указано в названии статьи, а принципом правоприменения [36, с. 30]. Не упрощает ситуацию и использование законодателем весьма неоднозначной юридической техники: к примеру, ст. 5 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ приводит перечень принципов обработки персональных данных, которые включают в себя как принципы, имеющие правовую природу («обработка персональных данных должна осуществляться на законной и справедливой основе»), так и откровенно технические предписания («не допускается объединение баз данных, содержащих персональные данные, обработка которых осуществляется в целях, несовместимых между собой»). На наш взгляд, такие технические нормы не должны возводиться в ранг принципов: их аксиологическое и системообразующее значение в лучшем случае можно охарактеризовать лишь как косвенное; принципы законодательства, как и принципы права, должны представлять собой не точечные нормы, решающие конкретные вопросы правоприменения, а служить основанием для всего регулирования в целом. Если норма не несет такого наполнения, нет никаких оснований определять в категорию принципов.

Традиционное понимание системы принципов права исходит из наличия трех видов принципов: общих (общеправовых), межотраслевых и специальных (отраслевых). Несколько иное деление предлагает В.Н. Кудрявцев: по его мнению, основным источником общеправовых принципов является Конституция, отраслевые принципы находят выражение в кодексах и других законах (например, ФЗ «Об информации...» имеет отраслеобразующее значение для информационного права), а третий, нижний уровень занимают *подотраслевые* принципы. По определению В.Н. Кудрявцева, к последним относятся такие принципы, «которые распространяются только на часть норм, на отдельные институты той или иной правовой отрасли» [37, с. 46].

Представляется, что, предлагая свое описание системы принципов права, В.Н. Кудрявцев на самом деле построил качественную модель систем принципов законодательства. Для сравнения, В.М. Реуф указывает, что лишь часть общеправовых принципов, характеризующих ключевые ценности и установки права в целом, нашла отражение в Конституции РФ; при этом часть принципов, отраженных в тексте Конституции, не является непосредственно принципами права (принцип разделения властей), в то время как некоторые принципы права не нашли в ней закрепления, хотя признаются и применяются как доктрина, так и судами (принципы ответственности за вину и неразрывной связи прав и обязанностей) [38, с. 34]. При этом в системе принципов законодательства конституционные нормы-гарантии исчерпывающим образом составляют ее наивысший уровень, а отраслевые принципы находят свое отражение в отраслеобразующих законах.

Что же касается подотраслевых принципов, такие принципы могут выделяться в том случае, если тот или иной предмет правового регулирования в силу общественной значимости и (или) особых свойств требует самостоятельного подхода со стороны регулятора. Вокруг такого предмета образуется самостоятельный институт (или субинститут), лежащий в плоскости определенной отрасли права, но предполагающий установление особого правового режима.

Представляется, что принцип прозрачности искусственного интеллекта следует рассматривать как **подотраслевой принцип российского законодательства, являющийся частью основы правового регулирования искусственного интеллекта на территории России**. Этот принцип должен стать одним из отправных положений правового режима роботов и искусственного интеллекта в РФ и одновременно гарантией прав граждан в отношении безопасного использования ИИ-систем. При этом данный принцип является продолжением принципа более высокого порядка, нашедшего отражение в ст. 3 ФЗ «Об информации...» – принципа обеспечения безопасности Российской Федерации при создании информационных систем, их эксплуатации и защите содержащейся в них информации. Кроме того, отдельные аспекты реализации принципа прозрачности искусственного интеллекта отражают принципы достоверности информации и своевременности ее предоставления и неприкосновенности частной жизни. При этом все перечисленные принципы правового регулирования информации, в свою очередь, вытекают из основополагающих гарантий прав граждан в информационной сфере, закрепленных в Конституции РФ.

Таким образом, на основании проведенного исследования представляется возможным сделать следующие выводы.

Несмотря на то, что в доктрине отсутствует единообразное понимание термина «принцип права», можно выделить три основные функции соответствующего института: регуляторную, аксиологическую и системообразующую. Принцип прозрачности искусственного интеллекта и его роль в системе принципов права можно охарактеризовать через эти три функции.

При этом следует разграничивать принципы права и принципы законодательства: первые являются частью системы права как такового, а вторые – основополагающими нормами законодательства разного уровня. Принцип прозрачности ИИ концептуально следует относить к принципам законодательства, рассматривая его как подотраслевой принцип правового регулирования искусственного интеллекта в законодательстве РФ.

Итак, принцип прозрачности искусственного интеллекта способен стать одним из основополагающих принципов законодательства об искусственном интеллекте как перспективной области правового регулирования и подотрасли информационного права. Однако остается все еще неопределенным вопрос о конкретном месте его закрепления в системе законодательства Российской Федерации.

Представляется, что с точки зрения законодательной техники наиболее правильным решением является разработка Основ правового регулирования систем и технологий искусственного интеллекта на уровне федерального закона. С одной стороны, такой подход позволит избежать преждевременной

и крайне объемной задачи по созданию исчерпывающего комплекса правовых норм, детально регулирующих правовое положение искусственного интеллекта – технологии, пределы возможностей использования которых до сих пор не имеют четкого очертания. С другой стороны, это позволит законодателю отреагировать на наиболее крупные риски, связанные с повсеместным внедрением ИИ-систем, тем самым не только дав судам основу для принятия решений по делам, включающим случаи использования искусственного интеллекта, но и создав некоторую степень определенности для бизнеса, на котором лежит ответственность за развитие этих технологий.

В заключение считаем важным отметить, что казуистический подход к решению правовых проблем, связанных с роботами и ИИ, обладает известными недостатками. По мере развития технологий ИИ неизбежно будут появляться все новые способы их использования – в том числе несущие потенциальную общественную опасность. Реалии индустрии искусственного интеллекта таковы, что, если законодатель изберет путь внесения точечных изменений в законодательство о роботах и ИИ, эти изменения рискуют приобрести безостановочный характер. Поэтому только создание единых руководящих начал регулирования систем и технологий ИИ, включающих в себя принцип прозрачности искусственного интеллекта, способно стать надежной основой правового режима в этой сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Veale M. A Critical Take on the Policy Recommendations of the EU High-Level Expert Group on Artificial Intelligence // *European Journal of Risk Regulation*. № 11 (1). E1. 1–10.
2. Куликов В. Готовится законопроект об использовании искусственного интеллекта для написания сценариев. RG.RU, 20.03.2023. URL: <https://rg.ru/2023/03/20/gotovitsia-zakonoproekt-ob-ispolzovanii-iskusstvennogo-intellekta-dlia-napisaniia-scenariiev.html> (дата обращения: 14.04.2023).
3. Holland M. Experts call for AI regulation during Senate hearing. TechTarget, 10.03.2023. URL: <https://www.techtarget.com/searchcio/news/365532338/Experts-call-for-AI-regulation-during-Senate-hearing> (дата обращения: 14.04.2023).
4. China Mandates Security Reviews for AI Services Like ChatGPT. Bloomberg, 11.04.2023. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-04-11/china-to-mandate-security-reviews-for-new-chatgpt-like-services> (дата обращения: 14.04.2023).
5. Попова М. Бизнес переходит на искусственный интеллект. РБК+, 05.12.2022. URL: <https://plus.rbc.ru/news/638ce98f7a8aa9f3126daaa2> (дата обращения: 14.04.2023).
6. Проверка на совместимость: искусственный интеллект в малом бизнесе. VC.RU, 26.04.2022. URL: <https://vc.ru/u/348258-kompyuterra/410564-proverka-na-sovmestimost-iskusstvennyu-intellekt-v-malom-biznese> (дата обращения: 14.04.2023).
7. В США подали первый иск о нарушении авторских прав нейросетью. Право.ru, 24.01.2023. URL: <https://pravo.ru/news/244964/> (дата обращения: 14.04.2023).
8. Явич Л.С. Право развитого социалистического общества (сущность и принципы). М.: Юрид. лит., 1978. 224 с.
9. Кондрат И.Н. Права личности и некоторые общетраслевые принципы уголовного процесса // *Мир политики и социологии*. 2012. № 8. С. 43–54.
10. Urrutia I., Lasagabaster I. Language Rights as a General Principle of Community Law // *German Law Journal*. 2007. V. 8, Issue 5. P. 479–500. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/german-law-journal/article/language-rights-as-a-general-principle-of-community-law/2B1692DE7121FBFDB00A935EBFCD3288> (дата обращения: 14.04.2023).
11. Тихонравов Е.Ю. Принцип *nullum crimen sine lege* в истории отечественного уголовного права // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2017. № 38. С. 548–557.
12. Сабитов Т.Р. История принципов уголовного права: методологический аспект // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: Право. 2006. Т. 2. № 2. С. 125–129.
13. Волос А.А. Генезис учения о принципах гражданского права: от истории к современности // *Теоретическая и прикладная юриспруденция*. 2022. № 4 (14). С. 7–13.
14. Климова А.Н. Из истории развития принципа свободы договора в российском гражданском праве // *Юридическая наука*. 2015. № 2. С. 48–53.
15. Архипов В.В., Наумов В.Б., Смирнова К.М. Пределы принятия юридически значимых решений с использованием искусственного интеллекта // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Право. 2021. Т. 12. № 4. С. 882–906.
16. Захарова К.С. Системные связи принципов права: теоретические проблемы: дис. канд. юрид. наук. Самара, 2009. 255 с.
17. Виниченко Ю.В. Метод правового регулирования и принципы регулирования гражданского оборота // *Современное право*. 2022. № 9. С. 5–14.

18. Каймакова Е.В. Понятие и сущность принципов правового регулирования семейных отношений // Российское правосудие. 2009. № 9 (41). С. 42–50.
19. Байтин М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 3 (230). С. 4–16.
20. Коломейцева Т.А., Григорьева А.А. История становления и современные проблемы принципов избирательного права // Евразийский союз ученых. 2016. № 4-4 (25). С. 83–85.
21. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. 5 изд. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. 528 с.
22. Кузнецова О.А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. 269 с.
23. Принцип // Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=23929> (дата обращения: 14.04.2023).
24. Илюхина В.А. Традиции и новации в закреплении принципов права // Юридическая техника, 2021. № 15. С. 329–334.
25. Явич Л.С. Общая теория права / Л.С. Явич; ответственный редактор А.И. Королев, 1976. 287 с.
26. Дворкин Р. О правах всерьез / Пер. с англ.; ред. Л.Б. Макеева. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 392 с.
27. Коваль С.В. История и основы критики правового позитивизма Г.Л.А. Харта в философии права Р. Дворкина // Философские науки. 2019. Т. 62. № 7. С. 124–142.
28. Афзалетдинова Г.Х. К вопросу о соотношении принципов права и принципов законодательства в российском праве // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 370–371.
29. Суркова О.Е. Факторы формирования и реализации принципов права: дис. канд. юрид. наук. Самара, 2004. 203 с.
30. Толстой Ю.К. Принципы гражданского права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1992. № 2. С. 49–53.
31. Сидоркин А.С. Принципы права: понятие и реализация в российском законодательстве и судебной практике: дис. канд. юрид. наук. Москва, 2010. 207 с.
32. Желдыбина Т.А. Государственно-правовые взгляды Г.Ф. Шершеневича: дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 181 с.
33. Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. С. Коваль, А. Павлова. М.: Издательство Института Гайдара, 2020. 592 с.
34. Щеглов Г. ChatGPT-4 обошел капчу, наняв фрилансера и притворившись слепым человеком. RB.RU, 17.03.2023. URL: <https://rb.ru/news/chatgpt-4-captcha/> (дата обращения: 14.04.2023).
35. Филимонов В.Д. Справедливость как принцип права // Государство и право. 2009. № 9. С. 5–13.
36. Уткин В.А. Рациональность принуждения как принцип правового регулирования исполнения лишения свободы // Пенитенциарная наука 2022. Т. 16, № 1 (57). С. 29–36.
37. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.В. Лунеева, А.В. Наумова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005. 540 с.
38. Реуф В.М. Специально-юридические принципы права: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004. 241 с.

Поступила в редакцию 14.04.2023

Медведев Александр Игоревич, аспирант юридического факультета
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9
E-mail: laarhaaga@gmail.com

A.I. Medvedev

THE PRINCIPLE OF TRANSPARENCY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE SYSTEM OF PRINCIPLES OF RUSSIAN LAW

DOI: 10.35634/2412-9593-2023-33-3-516-526

Artificial intelligence remains one of the most discussed topics in jurisprudence. The constant development of artificial intelligence technologies and systems, as well as the growth of risks associated with their use, creates a need for the development of Russian legislation on artificial intelligence, which still largely remains at the program-strategic level. This article proposes highlighting transparency as a principle of artificial intelligence legislation. The significance of this principle is substantiated, as well as the advantages of building legal regulation in the relevant area based on principles, and not on pinpoint norms. The concept of the principle of law is considered, the conclusion is made about the lack of a uniform interpretation of this term in Russian legal science. There are three functions of the principles of law, through

which the role of the latter in the system of law is revealed: regulatory, axiological and backbone. The characteristic of each of these functions is given. The description of the content of the principle of transparency of artificial intelligence through the corresponding functions is given. At the same time, the concepts of “principle of law” and “principle of legislation” are distinguished; the principle of transparency of artificial intelligence refers to the principles of legislation. Finally, it is concluded that it is necessary to adopt at the level of federal legislation the Fundamentals of Legal Regulation of Artificial Intelligence Systems and Technologies at the level, which should contain the principles of legislation on artificial intelligence in the Russian Federation, including the principle of transparency of artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, transparency, principle of law, principle of legislation, theory of law, rule-making, regulation, information technology, information law, digital law.

Поступила в редакцию 14.04.2023

Medvedev A.I., postgraduate student of the Faculty of Law
Saint Petersburg State University
Universitetskaya embankment, 7–9, Saint Petersburg, Russia, 199034
E-mail: laarhaaga@gmail.com